

**Т. В. Шмелева**

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого  
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, Великий Новгород, 173003, Россия*

*szmiel@yandex.ru*

### **ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА И ЭТО ПРИ ТОМ, ЧТО...**

Предлагается толкование текстовой скрепы *И это при том, что*, основанное на понимании вмещающей конструкции и ряда идей М. И. Черемисиной, в том числе ключевого понятия текстовой скрепы. Излагаются сведения о вмещающей конструкции, моносубъектной конструкции, коммуникативном весе пропозиции. К анализу привлекаются материалы Национального корпуса русского языка, медийных текстов, а также грамматических описаний и словарей. На основании анализа делается вывод о существовании в русском синтаксисе парадигмы показателей уступительности, высшую позицию которой занимает рассмотренная текстовая скрепа.

*Ключевые слова:* русский язык, синтаксис, скрепы, вмещающая конструкция, семантика уступительности, текст.

Посвящая Майе Ивановне Черемисиной слова памяти и восхищения, возвращаюсь в воспоминаниях к своим аспирантским годам, когда меня с ней познакомила мой учитель Вера Арсеньевна Белошапкова. Она выступала оппонентом докторской диссертации Майи Ивановны и говорила об этом событии как о чем-то потрясающем; с тех пор Майя Ивановна часто бывала в Москве в доме Веры Арсеньевны. В то время занятия сложным предложением казались мне чем-то вроде колдовства<sup>1</sup>, а то, что Майя Ивановна изучала аналоги сложного предложения в сибирских языках, до сих пор остается для меня колдовством в квадрате.

Работая в Красноярске, я могла приезжать на конференции по полипредикативности, которые Майя Ивановна проводила зимой. Это было что-то невообразимое: одни только названия языков, о которых шла речь, звучали загадочной и волнующей му-

зыкой. Все, что говорилось на этих камерных, но очень высоких по уровню конференциях, как мне до сих пор кажется, понимала только Майя Ивановна. Но наблюдать, как она слушала всех, задавала вопросы, иногда дополняла, размышляла, подбрасывала поленья замечаний в огонь дискуссии, – удовольствие, ни с чем не сравнимое. Как абсолютный моноглот, не скрывающий этого, я приезжала на конференции даже не учиться, а исключительно за этим удовольствием. Полипредикативный синтаксис продолжал казаться мне не только предметом лингвистического колдовства, но и областью, где лингвистическая мысль достигала такого уровня, с которого были видны условности многих решений, принятых в русской синтаксической науке, и то, что иначе, чем лингвистическими предрассудками, назвать нельзя.

Мне кажется, что одна из важнейших заслуг Майи Ивановны перед русским синтак-

---

<sup>1</sup> В семинаре Веры Арсеньевны я занималась инфинитивными конструкциями и по этой теме защитила диссертацию [Шмелева, 1979].

сисом состоит в выявлении и раскрытии этих предрассудков. Было бы интересно специально написать об этом и рассмотреть каждый из них, чтобы увидеть, что их «разоблачение» меняет в современном синтаксическом мышлении.

Предлагаемый в память о Майе Ивановне сюжет скромнее. Мне он дорог тем, что связывает имена трех значительных теоретиков сложного предложения и при этом оказывается средством выражения моего восхищения и ученической признательности. К 90-летию Веры Арсеньевны я написала работу о вмещающей конструкции [Шмелева, 2008а]. Продолжением стала статья об одной из текстовых скреп, формируемых на основе вмещающего механизма – *Дело в том, что...*, к юбилею Татьяны Андреевны [Шмелева, 2008б]. Эта скрепа описана в книге об асимметричных предложениях [Колосова, 1980], но как бы вскользь, попутно, что, видимо, и подвигло к ее рассмотрению в юбилейном сборнике не только меня, и это говорит об органичности сюжета в контексте творчества Татьяны Андреевны [Лапынина, 2008; Стексова, 2008]. И вот теперь я хочу предложить соображения о другой скрепе, обозначенной в названии статьи.

Для начала стоит напомнить, что вмещающие конструкции выделены В. А. Белошапковой в составе сложноподчиненных, а точнее – местоименно-соотносительных предложений [Грамматика..., 1970. С. 691–694]. Их конституирующим признаком назван комплекс, включающий местоимение *то* (в любом падеже в зависимости от управляющей словоформы) в главной части + союз (*что, чтобы*) или относительное местоимение в придаточной. При этом указано, что местоимение «способно вмещать в себя все содержание придаточной части и вводить это содержание как единый семантический компонент в состав главной части» [Там же. С. 691].

Вот три из многочисленных иллюстраций Веры Арсеньевны:

(1) *То, что он с 16 лет работал, помогло узнать жизнь и людей.*

(2) *Обязанность его заключалась в том, чтобы выдавать инвентарь.*

(3) *Никто не мог войти в дом без того, чтобы не стукнуться о порог.*

Отмечено, что местоимение *то* может занимать разные позиции в главной части: компонента структурной схемы (1) и рас-

пространителя – как обязательного (2), так и факультативного (3).

О том, что такого рода конструкции оказывались в кругу интересов Майи Ивановны, говорят ее работы [Черемисина, 1982] и тот факт, что под ее руководством защищены кандидатские диссертации: Рудяк С. И. «Указательные местоимения в сложноподчиненном предложении и в связном тексте: К вопросу о лексико-грамматическом статусе указательных местоимений» [1979], Бондаренко И. В. «Союзные инфинитивные конструкции со специфической зависимой частью в современном русском языке» [1982], Байдуж Л. М. «Конструкции *тем более что* и их место в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале современного русского языка)» [1982], Дебрени М. «Изъяснительные полипредикативные конструкции в русском языке и роль местоимения *то* в них» [1985], Мюллер И. Г. «Семантические конструкции с союзными скрепами *для того чтобы*» [1989] (см.: [Черемисина, 2004. С. 892–893]). Думаю, что все названные и рассматриваемые здесь предложения – это различные реализации вмещающей конструкции.

Забегая вперед, можно сказать, что в круге интересов Майи Ивановны оказывается и семантика уступки как явление полипредикативного синтаксиса. Специально под ее руководством изучались «Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском языке» [Перфильева, 1984], «Противительные конструкции с союзом *но* в современном русском языке» [Усова, 1986] (см.: [Черемисина, 2004. С. 892]). Указывает Майя Ивановна и на необходимость изучения уступительных предложений в перспективе исследований разноструктурных языков [Черемисина, 2008. С. 28].

Итак, речь пойдет о конструкции *И это при том, что* как одном из средств выражения уступительности. Для понимания ее синтаксической природы важно вспомнить характеристику вмещающих предложений, на которую обращает внимание Вера Арсеньевна, – это их близость с детерминантными структурами сложноподчиненного предложения. Проявляется она в необязательности придаточного и смысловой соотношенности частей, при этом существенны обязательность местоимения в главной части и асемантичность союза. Это же свойство

обеспечивает формирование составных семантических союзов, которое Вера Арсеньевна интерпретирует как «слияние относительного слова и асемантического союза в единый составной семантический союз»: *для того чтобы, оттого что, благодаря тому что* [Грамматика..., 1970. С. 692–693].

Одним из таких составных семантических союзов и должно быть признано рассматриваемое образование, хотя оно не приводится в описании ни вмещающих, ни уступительных предложений [Там же. С. 691–694; 720–723]. В более поздней грамматике союзы *при том что, при всем том что* перечисляются среди союзов дифференцированных значений, выражающих собственно уступительные отношения, однако ни одного примера с ними не приводится, что, видимо, должно говорить о редкости этих союзов [Русская грамматика, 1980. С. 592]. Фигурирует интересующий нас показатель связи и в типологии скреп М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [Черемисина, Колосова, 1987. С. 146, 160], но тоже без иллюстраций.

Здесь необходима терминологическая оговорка. По отношению к таким образованиям кажется предпочтительным термин *скрепа*. В работах по сложному предложению он, как утверждается, например, в [Ильенко, 2009. С. 262], появляется в 50-е годы; но используется непоследовательно, как в [Белошапкина, 1967. С. 71, 82], и только в исследовательской практике Майи Ивановны становится ключевым термином с перспективой на типологию скреп [Колосова, Черемисина, 1987]. Привлекательность этого термина – в том, что им обозначаются показатели синтаксической связи не только словоформ и предикативных конструкций, но и фрагментов текста; кроме того, он не исключает «многословности» показателя и «разноприродности» составляющих его словечек, что мы и видим в случае со скрепой *И это при том, что*, состоящей из двух простых союзов (соединительного и асемантического подчинительного), двух местоимений (*это* и *то* в предложном падеже) и предлога *при*.

Рассматриваемая текстовая скрепа выражает, как уже было сказано, уступительные отношения. От необходимости выяснять их семантическое существо избавляет как традиционность выделения соответствующего

типа сложноподчиненных предложений в отечественном синтаксисе, так и наличие семантических работ, посвященных показателям уступительности [Апресян, 2006]. Показать конструктивные особенности скрепы, важнейшие моменты ее функционирования и предполагается в этой работе.

Если начинать с наблюдений, то надо сказать, что в массиве вмещающих конструкций, которые извлекаются из современных медийных текстов<sup>2</sup>, обращают на себя внимание предложения такого типа:

*Чтобы превзойти показатели 1995 г., 2 декабря на участки должно явиться 70 % избирателей – при том, что даже оптимистический и деятельный глава ЦИК... рассчитывает в лучшем случае на 60 %* (Изв. 02.10.2007); *Мощным средством пропагандного боя являются разнообразные рейтинги, составляемые неправительственными организациями. При том, что качество их методик бывает сомнительно, да и само сведение разных противоречивых факторов в единый цифровой показатель свободы, прозрачности, честности etc. – задача, принципиальная решаемость которой вызывает сильные сомнения, тяга современного человека к удобным для его ума цифровым разблюдкам велика* (Изв. 28.12.2007); *...главное, что случилось этим вечером, – это переполненный партер и трибуны. И это при том, что, формально говоря, на дворе кризис, а билеты были дороже, чем в первый приезд Бейонсе в «Олимпийский»* (Коммерсантъ. 05.11.2009).

Сказать, что такие предложения частотны, было бы преувеличением: я располагаю подборкой примеров не более двух десятков, но данные Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) говорят о том, что их не так уж мало. Во всяком случае, Корпус предлагает коллекцию из 1 100 примеров. Вместе с имеющимися у меня материалами это, как представляется, достаточная база для наблюдений и обобщений<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Этот массив, кстати, удивляет своим богатством и разнообразием, что ставит задачу исследования его как особого объекта, в том числе и в стилистическом аспекте.

<sup>3</sup> Хотя выявление истории конструкции не входит в задачи работы, можно отметить: примеры Корпуса позволяют заключить, что сочетание *при том что*, фиксируемое уже в петровскую эпоху, интересующее нас значение приобретает только в начале XX в.

Конструктивная и смысловая основа данной скрепы – предложно-падежная форма субстантива *при* + *Предл. п.*, в синтаксическом словаре представленная как обусловленная синтаксема, указывающая «на признак предмета, противоречащий его предикативному признаку, либо обстоятельству, противоречащее предикативной оценке» [Золотова, 1988. С. 344]. Иллюстрируется это значение синтаксемы множеством примеров от Гоголя до Гранина: *Жена Шиллера, при всей миловидности своей, была очень глупа* (Гоголь); *Рассказ, при всей суровой сжатости, всегда занимателен и картинен* (Куприн); *При всем своем мягкосердечии и простодушии Савка презирал женщин* (Чехов); *При всем уважении к вашей деятельности, друзья-товарищи, для вас это, так сказать, хобби* (Гранин) [Там же]<sup>4</sup>. Такого рода словоформы перечисляются среди средств выражения уступительности в виде *при всем X-е*: *При всей его пронырливости, он так и не смог хорошо устроиться* [Апресян, 2006. С. 615].

Если от характеристики синтаксемы перейти к интерпретации включающих ее предложений, то не составит труда заключить, что перед нами полипропозитивная и монопредикативная конструкция. Основу ее независимой части составляет предикат, как правило, в форме спрягаемого глагола, а зависимой – субстантив пропозитивной семантики в форме предложного падежа с предлогом *при* – преимущественно это имена качеств, отношений, чувств. Определяющим оказывается смысл ‘качественность’<sup>5</sup>, который может быть выражен в самом субstantиве или в его распространителе, как в примере из [Колосова, Черемисина, 1987. С. 106]: *При всей огромной работе партии, ее кадров, руководящие органы тем не менее не сумели вовремя и критически оценить нарастания негативных тенденций в обществе* (Правда. 1986). Подобный пример есть и среди словарных иллюстраций: *Всегда было жалко видеть,*

*что, при огромной затрате разума и воли, человек все-таки не может достичь желаемого* (Горький) [Золотова, 1988. С. 344].

Отношения уступки фиксируются между независимой пропозицией и качеством, которое оказывается препятствием / противопоставлением к ее осуществлению. В духе толкований «Русской грамматики» 1980 г. можно сказать, что в таких предложениях выражается осуществление события, априорно несовместимого с высокой степенью проявления качества [Русская грамматика, 1980. С. 586].

Важно подчеркнуть, что в противоречие с осуществлением ситуации входит не столько качество субъекта, сколько полнота его проявления: так, по Гоголю, будь жена Шиллера менее миловидной, не обращали бы внимание на ее глупость; если бы в рассказе, по Куприну, было меньше суровой сжатости, не удивляла бы его занимательность и картинность. При описании семантики показателя *при всем X-е* указывается его близость к конструкциям *как ни...* и *уж на что...*, а и... [Апресян, 2006. С. 658].

В этом можно убедиться, преобразовав одно из анализируемых предложений *При всем его уме, практической сметки у него никакой* [Там же. С. 618] в указанные конструкции. В результате получим, например, такие предложения: *Как он ни умен, бытовые проблемы вызывают у него затруднения*; *Уж на что он умен, а бытовые вопросы приводят его в отчаяние*. Общие специфические моменты их семантики – высокая степень проявления противоречащего качества [Там же. С. 658], однако в монопредикативной структуре у этого смысла есть выразитель – показатель полноты *весь*, а в полипредикативных он выражается идиоматически в рамках связанной структуры [Грамматика..., 1970. С. 722].

Такого рода предложения не могут быть охарактеризованы без обращения к понятию *моносубъектная конструкция*, предложенному Майей Ивановой в 1980 г. [Черемисина, 2004. С. 344–366]. Собственно моносубъектность конструкции – совпадение субъекта независимой пропозиции и обладателя качества, представленного рассматриваемой формой, – выражается необязательным, но весьма частотным притяжательным местоимением *свой* или *его*; см. в приведенных примерах: *при всей миловидности своей, при всем своем мягкосер-*

<sup>4</sup> Нельзя не заметить, что пример *Нешто ночью пойдешь, да еще при таком дожде, – говорил перевозчик и зевал* (Паустовский) не обнаруживает заявленного значения. И ночь, и дождь – обстоятельства, в равной степени не располагающие к походу – значит, нет ситуации уступки.

<sup>5</sup> В семантическом анализе опираюсь на представления, изложенные в [Шмелева, 1988].

дечии и простодушии, при всей *его* проницательности; но: при всем уважении к вашей деятельности... Моносубъектность последней фразы имплицитна, так как единым субъектом двух пропозиций оказывается автор высказывания; при экспликации отношений принадлежности она могла бы выглядеть, например, так: *При всем моем уважении к вашей деятельности, друзья-товарищи, я считаю, что для вас это, так сказать, хобби*<sup>6</sup>.

Таким образом, структурно-семантический анализ рассмотренных простых уступительных предложений выявляет смысловой механизм уступки, срабатывающий в данном случае. С другой стороны, он приводит к выводу о том, что понятие моносубъектной конструкции не ограничивается глагольными структурами, по крайней мере, в русском языке, а, следовательно, значимость этого понятия для синтаксической теории повышается.

Скрепя уступительной семантики формируется на основе этой конструкции в согласии с устройством вмещающей конструкции: место пропозитивного субстантива занимает местоимение *то*, «способное вмещать в себя все содержание придаточной части и вводить его содержание в состав главной части» [Грамматика, 1970. С. 691], придаточная часть вводится асемантическим союзом *что*. Продемонстрировать действие этого механизма можно, преобразовав примеры из словаря Г. А. Золотовой: *\*Жена Шиллера была очень глупа – при том, что она была весьма миловидна; \*Рассказ занимателен и картинен – при том, что ему присуща и суровая сжатость; \*При том, что Савка был мягкосердечен и простодушен, он презирал женщин*.

Конечно, стилистически такие предложения небезупречны и это можно было бы обсудить специально, однако сейчас важнее обратить внимание на другие – собственно синтаксические – обстоятельства.

Во-первых, выражение уступительности в полипредикативной структуре выводится на уровень сложного предложения, а значит, повышается его коммуникативный вес, что можно показать на шкале с отметками:

0 – пресуппозиция;

1 – элемент структуры простого предложения;

2 – полупредикативная структура;

3 – предикативная единица сложного предложения;

4 – простое предложение;

5 – сложное предложение;

6 – текстовый фрагмент;

7 – полный текст, когда смысл оказывается текстообразующим<sup>7</sup> [Шмелева, 2013].

По отношению к рассматриваемым предложениям довольно очевидно, что преобразование из простого в сложное означает перевод противоречащей пропозиции с отметки 1 на отметку 3, что повышает ранг уступительности, получающей выражение в рамках сложного предложения<sup>8</sup>.

Во-вторых, преобразование простого предложения в сложное снимает семантические ограничения монопредикативной конструкции: отменяется моносубъектность и позиция противоречащей пропозиции открывается не только для качества, но и для других типов. Это можно проиллюстрировать примерами из Национального корпуса русского языка:

*Известно, что любая «проплаченная кампания», будь то президентские выборы или борьба против экономического конкурента, – это многоступенчатая схема воровства, «откатов», распыления средств на посреднические услуги. Первоисточник финансирования нередко имеет с этого свою выгоду, при том что и его немилосердно обирают* (А. Панкин. Медиатормоз // Отеч. записки. 2003) – противоречащая пропозиция может быть отнесена к социальным действиям, при этом субъект первой пропозиции оказывается в ней пациентом (жертвой);

*<Ахматова> относилась она к Чехову даже не равнодушно, как, скажем, Гумилев или Мандельштам, а «с отрицательной агрессивностью». Объяснений этому феноме-*

<sup>6</sup> Стоит отметить, что автор – субъект с особыми правами, что вносит коррективы и в грамматику деепричастия [Шмелева, 1984].

<sup>7</sup> Полагаю, что с этой шкалой связана «шкала сложности предложения», предложенная Майей Ивановой [Черемисина, 2004. С. 380–381], но это соотнесение требует особого рассмотрения.

<sup>8</sup> Можно отметить, что такой перевод мог бы быть осуществлен за счет замены скрепы – например, на *хотя*, но используется именно вмещающий механизм, что требует объяснения, которые я предложить сейчас не могу. Можно только предположить, что дело в семантической специфике показателя *при том*.

ну (*при том, что* художественный метод Ахматовой роднит ее с Чеховым) Л. Посев не находит (А. Кушнер. Почему они не любили Чехова? // Звезда. 2002. № 11) – противоречащая пропозиция представляет собой характеристику через отношение сходства, и предмет характеристики – художественный метод – не может быть кореферентен Посеву.

Казалось бы, эти два семантических преобразования должны снять актуальность смысла интенсивности и, соответственно, присутствия местоимения *весь*. Тем не менее оно появляется реже, но остается органичной частью скрепы, как показывают примеры Корпуса:

*При всем том, что «баскет» – игра любимая многими, популярная, зрелищная, он как будто бы ушел в тень* (Т. Романова. Корзина и мяч // Встреча (Дубна). 19.03.2003);

*При всем том, что у нас уже есть в какой-то степени перепроизводство экономистов-управленцев, но тем не менее, как говорят крупные бизнесмены, нам не хватает высокого уровня и качества экономистов и управленцев, кстати, и юристов тоже* (Н. Савицкая. Элитное образование всегда в цене // Независимая газета. 15.10.2003).

Итак, первая операция повышения статуса показателя уступительности сопровождается расширением пропозитивных возможностей. Но потенциал повышения при этом не исчерпан. Предложенческая<sup>9</sup> скрепа (составной союз) легко переводится в разряд текстовых: она открывает высказывание (т. е. оказывается после точки) – и таким образом уступительные отношения устанавливаются между суждениями, которым отводятся отдельные высказывания (переводятся на отметку 4, а смысл уступительности оказывается на отметке 6), что хорошо показывают примеры из НКРЯ:

*Еще по настроению La Perla похожа на фильм «Любовное настроение» Кар-Вая. Я это кино смотрела уже раз пятнадцать. Каждый раз после него хочется плакать и немедленно влюбиться. При том что там нет ни одной постельной сцены* (А. Карабаш. La perla, или мало ли что? // Домовой. 04.06.2002);

<sup>9</sup> Использую это несколько неловкое прилагательное вслед за Майей Ивановной, см. например: [Черемисина, 2004. С. 169, 219 и др.].

*О французском кулинару Франсуа Вателе рассказывают страшные вещи. Будто он так расстроился, что не смог накормить своих гостей, что в припадке отчаяния покончил с собой. Гостями, правда, были люди все известные: принц Конде, Людовик XIV... При том что и сам Ватель поваром был настолько отменным и так умел организовывать роскошные пиры, что слава о нем пережила века, мифы множились с годами, пока в итоге само имя его не стало символом всего искусства французской кулинарии. При том что вплоть до недавнего прошлого никто в общем-то не знал доподлинно, чем именно Ватель занимался* (А. Мокроусов. От антре до антреме, или страсть кулinary // Домовой. 2002.06.04).

Текстовость скрепы становится несомненной с присоединением еще одного анафорического местоимения, отсылающего к предшествующему фрагменту текста, и союза *и*, выступающего в качестве текстовой скрепы, что для него весьма типично [Колосова, Черемисина, 1987]:

*Но главное, что случилось этим вечером, – это переполненный партер и трибуны. И это при том, что, формально говоря, на дворе кризис, а билеты были дороже, чем в первый приезд Бейонсе в «Олимпийский»* (Б. Барабанов // Коммерсантъ. 05.11.2009).

В данном примере противоречащими оказываются две пропозиции – кризис и возросшая цена билетов, что снижает вероятность «упаковки» нужного содержания в одно придаточное. Перевод отношений на уровень межфразовой связи объясняется содержательными моментами. А наличие в составе скрепы двух дополнительных элементов делает ее не только скрепляющей, но и «крепкой» скрепой. Уже не возникает ощущения, что перед нами парцеллят сложного предложения, что не исключается в предыдущем случае.

Для последовательности анализа следует указать, что и в составе собственно текстовой скрепы обнаруживаем показатель полноты *весь*, как, например, в этом примере из Корпуса:

*В его манерах, голосе, речах, образе жизни было много такого, что не укладывалось в привычный образ православного священника. Он брился и стригся, имел модный квадратик усов, мефистофельскую бородку, торчавшие вверх черные волосы, отрывистый говор, резкие движения. Он мог*

позволить себе явиться на службу в футболке, поверх которой в притворе набрасывал рясу и архиерейскую мантию. **При всем том, что** он, несомненно, был человек очень умный (М. Сотников. «Красный» собор // Спецназ России. 15.05.2003) – в данном примере необходимость показателя *весь*, как кажется, мотивируется множественностью проявлений, в противоречии с которыми оказывается ум героя, – т. е. показатель приобретает другую значимость.

Итак, можно убедиться в том, что распространитель простого предложения с уступительным значением *при всем X-е* с помощью местоимений переводится в разряд скреп сложного предложения *при том что*, а затем за счет парцелляции – в разряд текстовых скреп, что закрепляется включением в его состав второго местоимения и текстовой скрепы *и*.

Иначе говоря, можно сказать, что перед нами своеобразная парадигма уступительной скрепы из трех ее версий:

*при всем* + субстантив с семантикой качества;

*при (всем) том что*;

*и это при том что*.

Если принимать во внимание позицию в тексте, то вторую версию показателя придется представить как три разновидности: 1) в составе сложного предложения (пунктуационно – после запятой, тире или в скобках)<sup>10</sup>; 2) в междфразовом положении и составе абзаца в тексте (после точки); 3) в составе текста – в начале абзаца.

С учетом этого можно сказать, что за пределами простого предложения рассматриваемая скрепа предоставляет пять различных возможностей фиксировать уступительные отношения в тексте. По существу здесь можно говорить о шести разных скрепах разных синтаксических уровней – от простого предложения до текста.

В чем их различия? И чем они все отличаются от других показателей уступительности, весьма многочисленных, как мы знаем? Чем вообще руководствуется говорящий/пишущий, выбирая ту или иную скрепу или отказываясь от них вообще? От-

ветов на эти важные вопросы у меня нет. Скажу только, что путь к ним лежит в пространстве тонкого семантического и актуального анализа над большими массивами текстов, экспериментов и интерпретации их результатов. Как образец такого анализа могу назвать работу [Мишланов, 1996], в которой, впрочем, о нашей скрепе речи нет.

В качестве самых предварительных догадок можно предположить, что она приходит на помощь тогда, когда один из уступительных показателей уже использован, а ряд должен быть продолжен, т. е. возникает своеобразная ситуация уступительной градации. Это можно наблюдать в рамках как сложного предложения, так и в текстовом фрагменте:

...к сорока годам (то ли природа стала брать свое, то ли одиночество утомило) решил он все же жениться, **хотя** это оказалось делом нелегким, **при всем том, что** невест в деревне было в избытке (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина);

По нашим земным представлениям, одно небесное тело отстоит от другого на тысячи, на десятки тысяч световых лет. На самом же деле их там напичкано – не счесть, толкучка так толкучка! **Хотя**, в общем-то, столкновения сравнительно в редкость, не то что на дорогах Земли между автомашинами. **И это при всем том**, что светофоры отсутствуют, а о регулировщиках нет и речи (С. Залыгин. После инфаркта // Новый мир. 1999).

Итак, приведенные факты и рассуждения, как кажется, подтверждают мысль о том, что вмещающая конструкция служит источником формирования целого ряда скреп полипредикативных конструкций с ощутимым текстовым потенциалом. Так, в [Черемисина, Колосова, 1987. С. 171] приводится список из почти 40 прономинально-союзных скреп; мне кажется, их число может превышать 50. Полное выявление и описание таких синтаксических показателей остается актуальной лингвистической задачей. Не менее актуальна и задача выявления всех текстовых скреп, среди которых оказывается и рассмотренная здесь.

Входя в круг средств выражения уступительности, она обеспечивает выражение этого смысла на уровне текста; потребности в этом, как показывают материалы Нацио-

<sup>10</sup> Пунктуационное оформление сложных предложений со скрепой – особый лингвистический сюжет, здесь же важно только отметить, что при осмыслении статуса скрепы пренебречь пунктуацией невозможно.

нального корпуса русского языка, в том числе и приведенные здесь в качестве иллюстраций, не так малы.

Завершая, хотелось бы напомнить, что при всем продвижении синтаксиса к реалистическим представлениям об устройстве коммуникативных механизмов языка количество белых пятен на его «карте» не уменьшается. То и дело выявляется, что наши представления условны, опираются на традиции, как будто несомненные тезисы нуждаются в дополнительной аргументации, а то и пересмотре. Такого рода сигналы в большом количестве находим в работах Майи Ивановны, и там же – идеи, которыми можно руководствоваться в поисках новых представлений. И в этом – залог того, что у них будут новые читатели. Эти новые читатели – я уверена – будут с восторгом и благодарностью учиться у Майи Ивановны думать о языке, о синтаксисе, сомневаться и искать выход из сомнений. И память о ней будет живой частью нашего лингвистического сознания.

### Список литературы

- Апресян В. Ю. Уступительность в языке // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 615–710.
- Байдуж Л. М. Конструкции *тем более что* и их место в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982.
- Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). М., 1967.
- Бондаренко И. В. Союзные инфинитивные конструкции со специфической зависимой частью в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982.
- Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.
- Дебрэнн М. Изъяснительные полипредикативные конструкции в русском языке и роль местоимения *то* в них: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.
- Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.
- Колосова Т. А., Черемисина М. И. О союзных и текстовых скрепах русского языка // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных типов): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 104–114.
- Лапынина Н. Н. Дело в том, что...: семантика и функции // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. ст. в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 160–172.
- Мишланов В. А. Семантика и структура сложного предложения в свете динамического синтаксиса. Пермь, 1996.
- Мюллер И. Г. Семантические конструкции с союзными скрепами *для того чтобы*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989.
- Перфильева Н. П. Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984.
- Рудяк С. И. Указательные местоимения в сложноподчиненном предложении и в связном тексте (к вопросу о лексико-грамматическом статусе указательных местоимений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1979.
- Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 2. Синтаксис.
- Стексова Т. И. Синтаксический статус сочетания *дело в том что* // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. ст. в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 154–159.
- Усова Н. В. Противительные конструкции с союзом *но* в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1986.
- Черемисина М. И. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением «то» // Функциональный анализ синтаксических структур: Сб. науч. тр. Иркутск, 1982.
- Черемисина М. И. Природа сложного предложения в тюркских языках Южной

Сибири // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. ст. в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 23–30.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск, 2004.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987.

Шмелева Т. В. Смысл и формальная организация двукомпонентных инфинитивных предложений в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

Шмелева Т. В. Деепричастие на службе у модуса // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические конструкции: Межвуз. сб. Красноярск, 1984. С. 64–70.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.

Шмелева Т. В. Текст как объект грамматического анализа: Учеб.-метод. пособие. Красноярск, 2006.

Шмелева Т. В. Вмещающая конструкция // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2008а. № 4. С. 58–67.

Шмелева Т. В. Дело в том, что... // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. ст. в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008б. С. 145–153.

Шмелева Т. В. Коммуникативный вес пропозиции // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2013. № 5. С. 189–198.

*Материал поступил в редколлегию 03.03.2015*

T. V. Shmeleva

#### TEXTUAL JOINT И ЭТО ПРИ ТОМ, ЧТО

The article offers an interpretation of a syntactic joint *И это при том, что*, based on the concept of an accommodating construction and some of M. I. Cheremisina's ideas, particularly her key concept of a textual joint. The article presents information regarding accommodating constructions, monosubject constructions and communicative 'weight' of a proposition. The analysis involves the materials from the National Corpus of the Russian Language, media texts, as well as grammatical descriptions and dictionaries. On the basis of this analysis, the author concludes that the Russian syntax contains paradigms of concessive markers, the highest position of which is taken by the analyzed syntactic joint.

*Keywords:* the Russian language, syntax, joints, accommodating construction, concessive semantic, text.